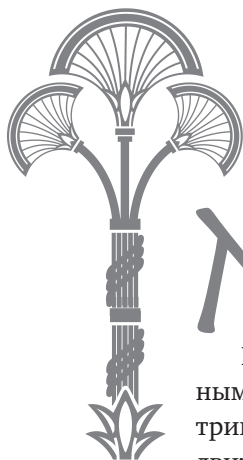

ГЛАВА I

Между мной и хорошим сном стояли сейчас только две вещи, одну из которых мне было позволено уничтожить.

В этот поздний час я пробиралась по грязным мшистым берегам реки Хирун, всматриваясь в темноту в поисках какого-нибудь движения. С грязью сталкивался любой подмастерье деревни, и это меня не пугало, но я точно не ожидала все-таки найти лягушек, за которыми отправилась сюда в этот час. Стоило мне к ним приблизиться, и они будто бы разрабатывали оборонительную стратегию. Сначала их страж подавал остальным сигнал тревоги, и они тут же бросались в реку, а потом этот отважный страж порядка следовал за ними, спасая свою жизнь.

— Прощайтесь с жизнью, бесполезные вредители! — крикнула я в темноту, поднимая руку.

На мгновение я засмотрелась на грязь, въевшуюся глубоко под ногти и покрывающую мою руку. И в лунном

свете, просачивающемся сквозь кроны скелетообразных деревьев, моя рука показалась мне другой. Более ухоженной и слабой. Рукой Нифран. Только не в те времена, когда женщина была полна сил и не было ничего, что не могли бы сделать руки моей матери. Она могла орудовать топором наравне с самым крепким дровосеком, заплетать пышные кудри в изящные косы и вонзать копыя в пасти чудовищ. Но когда я была еще совсем маленькой, горе из-за убийства моего отца, подобно гнили, добралось до мозга Нифран, погубив ее рассудок.

Ох, если бы она могла видеть меня сейчас. Испачканную грязью и обманутую квакающими речными тараканами.

Пока над Хируном продолжал образовываться густой туман, а зимние кости Эссамских лесов вдыхали его словно глоток жизни, я вымыла руки в реке и решительно отбросила любые мысли о мертвых.

За корнем одного из деревьев раздалось яростное кваканье, и, ринувшись вперед, я схватила брыкающегося лягушачьего стража, который даже не пытался убежать, и поднесла его к своему лицу.

— Твои друзья охотятся на сверчков, а ты прохладился здесь. Оно того стоило? — Бросив обмякшую лягушку в ведро, я вздохнула.

То, что Рори был известным химиком, совершенно меня не впечатляло, ровно как и желанное многими ученичество у этого человека. От того, чтобы бросить ведро и вернуться в замок Райи, где ждали удобная постель и теплая еда, меня удерживал лишь долг перед Рори. Он не стал задавать вопросов, когда пять лет назад я появилась на его пороге. Он молча обработал раны дрожащей девушки, покрытой кровью с головы до ног, и отвез меня к Райе. Рори спас пятнадцатилетнюю сироту без прошлого от бродяжничества.

Треск ветки заставил меня напрячься, и я сунула руку в карман, обхватив пальцами рукоять своего кинжала.

Обычно я ношу его пристегнутым к ботинку, учитывая склонность солдат Низала обыскивать всех наугад. Мой взгляд привлекла черная метка на одном из деревьев, стоящих в ряд. Эта метка представляла собой символ Низала — ворона, расправляющего крылья, с четкими линиями. Посреди лесной грязи лишь эти метки на деревьях оставались чистыми, а отмеченные вороном деревья образовывали своеобразный периметр вокруг Мохера. Так что людей, словно животных, удерживали заперти не мечи и стены, а простая резьба на дереве. Власть другого королевства витает над нашим городом, будто отравленный воздух, контролируя всех, кто его вдыхает. Пересечение этого периметра без разрешения считалось преступлением, которое карается тюремным заключением или чем-то похуже. Например, в нижних деревнях, где их лидеры стали закрывать глаза на вольности, допускаемые солдатами Низала, худшее было только началом.

Подойдя ближе к дереву, я провела ногтем большого пальца по вытянутому крылу ворона и подумала, как отдала бы всех лягушек из моего ведра ради того, чтобы иметь возможность стереть этот символ. Возможно, в порыве храбрости я бы даже прорезала своим кинжалом несколько линий на коре дерева, уродуя символ власти Низала, но взглянув на стража в своем ведре, я решила, что храбрость не стоит возможных последствий, и опустила руку.

Возвращаясь обратно по покрытой толстым слоем инея дороге, я натянула капюшон почти на нос, как только пересекла стену, отделяющую Махэр от Эссамских лесов. Не рискуя пойти по главной освещенной дороге к магазину Рори и наткнуться на кого-нибудь из охранников, я свернула в петляющий переулочек. Держась за стену, я позволила едкому запаху навоза вести меня в полутемноте. Из-под горы ящиков на меня зашипела кошка, встав в защитную позу над недоеденной тушкой крысы.

— Я уже поужинала, но спасибо за предложение, — пробормотала я, держась подальше от ее когтей.

Двадцать минут спустя я с грохотом поставила к ногам Рори ведро, полное мертвых лягушек.

— Я требую пересмотра моей заработной платы!

— Продолжай требовать, я буду там, — сказал Рори, даже не потрудившись оторвать взгляда от листа в своих руках, и скрылся в задней комнате.

Нахмурившись, я стала готовить мази для завтрашней продажи, тщательно упаковывая каждую баночку в бумагу, прежде чем положить ее в корзину. Ведь однажды я все же столкнулась с раздражением обычно спокойного Рори. Тогда я забыла упаковать мази и просто отдала баночки сыну Юлия. В тот день я узнала о распространении болезней столько же, сколько и о моральных принципах Рори.

— Пошла бы ты и уже немного поспала, — проворчал вернувшийся Рори. — Я не хочу, чтобы завтра твой вид пугал моих посетителей. — Пошарив в ведре, он перевернул несколько лягушек.

У Рори было узкое смуглое лицо, на которое возраст уже наложил свой отпечаток. Между его кустистыми бровями пролегла складка, а его пальцы были цвета последнего приготовленного им тонизирующего напитка. Несмотря на травму бедра, стройность Рори не была признаком его слабости, а в те редкие моменты, когда он улыбался, становилось ясно, что в юности он был красив.

— Если я узнаю, что ты снова замазала дно ведра грязью, — я отравлю твой чай! — проворчал он, но потом сунул мне в руки небрежно завернутый сверток. — Вот.

Сбитая с толку, я перевернула сверток.

— Это для меня?

В ответ он обвел тростью пространство пустого магазина.

— У тебя что, с головой не в порядке, дитя мое?

Осторожно отогнув ткань свертка, я увидела пару перчаток золотистого цвета. Они были мягче голубино пера и наверняка стоили дороже всего, что я могла бы себе позволить.

— Рори, это слишком, — прошептала я благоговейно, вынимая одну из перчаток.

Едва удержавшись от того, чтобы надеть их, я осторожно положила перчатки на прилавок и поспешила оттереть грязь со своих испачканных рук. Чистых тряпок поблизости не оказалось, и я вытерла руки об тунику Рори, за что заработала шлепок по уху.

Перчатки сели идеально. Мягкая, податливая ткань в точности повторяла изгибы моих пальцев.

Изучая их при свете горящего фонаря, я решила, что на рынке за них, безусловно, можно было бы выручить неплохую сумму. В Омале было полно рынков. Нижние деревни всегда нуждались в еде и припасах, а торговать между собой было намного проще, чем выпрашивать объедки во дворце Омала. Но, конечно, я не собиралась их продавать. Пусть Рори и нравится притворяться, что его эмоциональный диапазон не шире, чем у столовой ложки, но ему было бы больно узнать, что на следующий день я продала его подарок.

— С днем рождения, Сильвия, — коротко улыбнулся старик.

СИЛЬВИЯ

Моя первая и самая удачная ложь.

— Подарок в утешение старой деве? — спросила я, складывая руки вместе.

За пять лет Рори ни разу не забыл дату моего выдуманного дня рождения.

— Я думаю, вряд ли порог, после которого девушку считают старой девой, стал двадцатилетним.

Еще одна ложь. Ведь совсем скоро мне исполнится двадцать один.

— Ты просто слишком стар. Как само время. Должно быть, люди моложе ста лет тебе кажутся одинаковыми.

— Старым девам уже давно пора спать, — сказал Рори и тыкнул в меня своей тростью.

Выйдя из магазина в приподнятом настроении, я плотнее укуталась в плащ, накинув его себе на плечи, и завязала шнурки от капюшона прямо под подбородком. Прежде чем я наконец смогу вернуться в свою постель, мне предстояло выполнить еще одно задание, а это означает, что я должна пробраться глубже в тихую деревню. В это темное время суток, когда мой разум был не обременен никакими мыслями, каменные кладки домов чудились мне голодными шайтанами, которые шептались в темноте, а скрежет разбегающихся под моими ногами паразитов — звуками неупокоенных мертвецов. Я знала, что это мой болезненный страх придавал теням такие ужасные очертания. Уже много лет я не могла проспать целую ночь, и к тому же бывали дни, когда я не доверяла ничему, кроме своего дыхания и земли под моими ногами. Разница между мной и жителями деревни заключалась лишь в том, что я знала имена своих монстров и то, как они будут выглядеть, если найдут меня. Мне даже не нужно было представлять, какая судьба меня ждет, если мы встретимся.

Махэр был крошечный деревушкой с большой историей, которой матери, бабушки и дедушки делились со своими внуками и детьми. Суеверия поддерживали жизнь каждого жителя деревни, что способствовало ему бизнесу.

Вместо того чтобы повернуть направо, к замку Райи, я свернула на проселочную дорогу. Кусочки пропитанного медом и маслом теста указывали на места, где, сидя на бетонном крыльце кондитерских своих родителей, их дочери перекусывали между делами. Обходя собак, обнюхивающих остатки еды, я то и дело проверяла, нет ли поблизости кого-нибудь, кто мог бы сообщить Рори о моих передвижениях. Несмотря на то что у нас с Рори вошло в традицию прощать друг друга — я сомневалась, что он одобрил бы мой поступок, если бы узнал, что под его именем я «лечу» омалийцев, продавая бессмысленные зелья всякому, кто был достаточно суеверен, чтобы их покупать. «Лекарства», которые я готовлю для своих клиентов, совершенно безвредны. Это измельченные травы или ликеры со слегка измененным составом. В большинстве случаев недуги, от которых эти лекарства должны спасать людей, были более нелепыми, чем ингредиенты, которые я помещала в бутылку. Дом, который я искала, находился в десяти минутах ходьбы от замка Райи. Так близко от места, где я могла отдохнуть. С края провисшей крыши, где от крючка к крючку тянулась бельевая веревка, капала вода. На землю с веревки упала пара нижнего белья, которую я подняла и отшвырнула подальше от чужих глаз. Много лет Райя пыталась заставить меня прятать нижнее белье на бельевой веревке за одеждой большего размера, а я, не понимая, зачем нужна такая скрытность, все еще не взяла подобное в привычку, но сегодня вечером у меня было в запасе слишком мало времени, чтобы тратить его впустую. Иначе я бы воспользовалась случаем и узрела смущение омалийцев перед тем фактом, что теперь у меня были неопровержимые доказательства того, что они носят нижнее белье.

Мои мысли прервал звук распахнувшейся двери.

— Сильвия, слава богу, — чуть ли не вскрикнула Зейнаб. — Сегодня ей стало хуже.

Прежде чем войти, я постучала своими ботинками по косяку двери, чтобы сбить с них грязь.

— Где она?

Я проследовала за Зейнаб в последнюю по счету комнату в коротком коридоре, и когда женщина открыла в нее дверь, нас обдало волной аромата благовоний. Раздув белую дымку, висевшую в воздухе, я увидела сморщенную старуху, которая сидела на полу и раскачивалась взад-вперед. Вдоль кожи ее рук тянулись кровавые борозды от ногтей. Зейнаб закрыла за нами дверь, держась на безопасном расстоянии. В ее больших карих глазах стояли слезы.

— Я пыталась искупать ее, но она сделала это. — Зейнаб закатала рукава своей абайи*, обнажив мариады красных царапин.

— Так. — Я положила свою сумку на стол. — Я позову тебя, когда мы закончим.

Усмирение старухи с помощью тоника не потребовало особых усилий, учитывая ее телосложение. Я подошла к ней сзади и обвила рукой ее шею. Она вцепилась в мой рукав, приоткрыв рот, чтобы ахнуть, но я тут же влила тоник в ее горло, ослабив хватку на ее шее ровно настолько, чтобы она смогла проглотить лекарство. Убедившись, что она его проглотила, я отпустила ее и поправила рукава, но старуха, чертыхаясь, сплюнула мне под ноги кровавую слюну. Когда она обнажила зубы, я увидела, что она разодрала губу. Мои таланты, какими бы сомнительными они ни были, заключались в эффективном и мимолетном обмане, поэтому на все про все у меня ушло всего несколько минут. У двери я позволила Зейнаб сунуть несколько монет в карман моего плаща и при-

* Абайя — длинное традиционное арабское женское платье с рукавами.

творилась удивленной. Наверное, я никогда не пойму омальцев и их притворную скромность.

— Помни...

Зейнаб нетерпеливо покачала головой:

— Да, да! Я не скажу ни слова. Прошло уже много лет, Сильвия, и если химик когда-нибудь об этом узнает, то точно не от меня.

Зейнаб была довольно самоуверенна для женщины, которая ни разу не удосужилась спросить, что было в тонике, который я регулярно вливала в горло ее матери.

Рассеянно помахав Зейнаб на прощание, я убрала свой кинжал в тот же карман, где лежали монеты, и вышла на грунтовую дорогу, покрытую лужами от дурно пахнущего дождя, словно оспинами, которые покрылись рябью. Большинство домов на этой улице можно было бы назвать лачугами. Их соломенные крыши вздрагивали над стенами, соединенными вместе грязью и неровными участками кирпича. Я едва не наступила в зеленую полосу навоза, оставленную мулом, успев вдохнуть пропитанный водой травянистый запах. Интересно, на улицах верхних городов Омала тоже есть экскременты?

Соседка Зейнаб разбросала перед своей дверью куриные перья, чтобы продемонстрировать соседям свою удачу. Недавно их дочь вышла замуж за купца из Давара, и его калыма хватило им на то, чтобы целый месяц питаться курицей. Отныне тело девушки будет украшать самая изысканная одежда, а на ее тарелке всегда будут отборные мясо и овощи, выращенные в домашних условиях, ей больше никогда не придется переступать через навоз мула на дороге в Махэре.

Рассеянно пересчитывая монеты в кармане, я завернула за угол и врезалась в чье-то тело. Ударившись ногой о треснутые глиняные кирпичи на дороге, я спот-

кнулась, а солдат Низала не сдвинулся с места и лишь нахмурился.

— Назовите себя.

Мое горло перекрыли раскрывшиеся в нем тяжелые крылья паники. Хотя на передвижения по деревне для ее жителей не были наложены какие-то ограничения в виде официального комендантского часа, все равно немногие рисковали совершать ночные прогулки.

Солдаты Низала обычно патрулировали улицы парами, но не увидев рядом другого солдата, я решила, что напарник этого человека, вероятно, пристал к кому-нибудь еще на другом конце деревни.

Паника, поднявшаяся во мне, была настоящей чуждой, единственной целью которой было распространяться до тех пор, пока она не займет каждую мою мысль, не ворвется в каждый инстинкт, поэтому я подавила ее, схватив за трепещущие конечности, и опустила глаза. Пристальный взгляд на солдата Низала не сулил ничего, кроме неприятностей.

— Меня зовут Сильвия. Я живу в замке Райи и являюсь подмастерьем у химика Рори. Приношу извинения за то, что напугала вас. Пожилая женщина срочно нуждалась в моей помощи, а мой работодатель нездоров.

Судя по морщинам на его лице, солдату было где-то под сорок. Если бы он был простым омалийским патрульным, то его возраст мало бы о чем говорил, но солдаты Низала, как правило, умирали молодыми и окровавленными. И если этот человек прожил так долго, чтобы его лоб покрылся морщинами, значит, он был либо смертельно опасным противником, либо трусом.

— Как зовут твоего отца?

— Я живу в замке Райи, — повторила я. Должно быть, он недавно прибыл в Махэр, ведь все в нашей деревне знали замок сирот Райи на холме. — У меня нет ни матери, ни отца.